

соратники, стала одним из главных оплотов расизма. Книга Риттера — еще одно и притом убедительное опровержение расистских теорий о «неполноценности туземцев», об «отсутствии у них прав» на гражданскую самостоятельность и навыков государственности.

И. КУЛАКОВСКАЯ-ЕРШОВА

«НАСЛАЖДЕНИЕ ТРУДОМ ПОЭТИЧЕСКИМ»

Махабхарата. Четыре сказания. Перевод с санскрита и вступительная статья С. Липкина. Подстрочный перевод О. Волковой. Москва, «Художественная литература». 1969. 190 стр.

Первое частичное ознакомление русского читателя с великим эпосом древней Индии, «Махабхаратой», — перевод с английского знаменитой философской поэмы «Бхагавадгита» — состоялось еще в 1788 году, всего через три года после ее выхода в свет в Европе. («Бхагавадгита» была издана в типографии известного просветителя Н. И. Новикова.)

В дальнейшем, в первой половине XIX века, весьма успешно для своего времени, были переведены русскими санскритологами еще несколько сказаний из «Махабхараты».

Тем не менее в историю русской поэзии и в литературный обиход читателя наших дней прочно вошло лишь переведенное Жуковским сказание о Нале и Дамаянти.

«Из отдельно вышедших в прошлом году поэтических произведений в стихах самым замечательным, без сомнения, было «Наль и Дамаянти», — индийская поэма с немецкого перевода Рюккерта, переведенная Жуковским на русские гекзаметры, легкие, светлые, прозрачные, грациозные и пленительные», — пишет Белинский в своем обзоре «Русская литература в 1844 году».

Сам Жуковский свидетельствует об усилиях найти «в языке своем выражения для той девственной, первообразной красоты, которою полна индийская повесть о Нале и Дамаянти, о стремлении переводчика «наслаждаться трудом поэтическим»...

Семен Липкин, поэт и признанный мастер художественного перевода, отличный знаток советского и зарубежного Востока, перевел четыре сказания из «Махабхараты», над которой продолжает работать и в настоящее время.

«Путеводной звездой для меня, — пишет он в поэтическом слове, предпосланном изданию, — был несравненный перевод одного из сказаний «Махабхараты», «Наль и Дамаянти», сделанный В. А. Жуковским. Язык перевода, музыка его — верх совершенства... поэзией Индии так и дышит каждая строка его вдохновенного переложения».

Не следует, однако, думать, что «Наль и Дамаянти» Жуковского послужили С. Липкину своего рода «стилевым камертоном». Печатью художнической смелости, своеобразия и независимости отмечен каждый компонент перевода и вся работа в целом. Льется стих, написанный вольным, раскованным пером. Между тем каждое двустишие строго подчинено единой задаче — воссоздать великий подлинник. И если что-нибудь роднит, сближает четыре сказания из «Махабхараты» в талантливом истолковании С. Липкина с «Налем и Дамаянти» Жуковского, то это именно «дыханье поэзии Индии», которым проникнуты оба перевода, и «наслаждение трудом поэтическим», отличающее искусство от ремесла.

Неоценимы роль и значение двух величайших памятников мировой поэзии — «Махабхараты» и «Рамаяны», — их многовековое, разностороннее влияние на культуру народных масс Индии. Здесь и невиданный размах, и всеобщность праздничных зрелищ, связанных с древним индийским эпосом, и ставшие житейской мудростью поучительные изречения, притчи, поговорки, и навеянные эпическими сюжетами произведения на многих языках Индии, и несчетные разноязычные варианты, переводы, пересказы эпосов... Случается, что неграмотный индийский крестьянин впамятлив приводит наизусть добрую сотню стихотворных строк, придавая злостной беседе литературный оттенок.

Мы давно свыклись с тем, что в нашем воображении с самого детства неизгладимо запечатлеваются образы истории и литературы. Примечательно, что, по свидетельству Джавахарлала Неру, в сознании неграмотного крестьянина Индии имеется своя «картинная галерея»; источником его представлений служат мифы, предания, эпические сказания о богах и героях.

Восемнадцать книг, сто тысяч двустиший, называемых шлоками, исполинского эпоса «Махабхараты» складывались веками и состоят из множества «геологических» пластов. Они являются своеобразной энциклопедией раннего индуизма, кладом ценнейших сведений о жизни древней Индии. Основной сюжет поэмы — легендарная междоусобица двух царских династий, битва потомков Бхараты, пандавов и кауравов, за господство над городами Хастинапурой и Индрапрастхой (вблизи нынешнего Дели).

Жанровое разнообразие «Махабхараты» воистину поразительно: героические сказания, басня и притчи, космогонические мифы, назидательные рассуждения, философская поэма «Бхагавадгита», гимны, плачи...

Нужно сказать, что трудности, уготованные переводчикам двух эпических поэм индийского народа, написанных на санскрите — «Махабхараты» и «Рамаяны», — на первый взгляд кажутся почти непреодолимыми.

Говоря о живучести и стойкости санскрита, Неру называет язык «поэтическим завещанием духа народа, его культуры и живым воплощением тех мыслей и образов,

под влиянием которых они складывались».

По существу это определение приложимо не только к языку, в частности, санскриту, но и к самому эпосу народов Индии. Чтобы понять трудность истолкования «Махабхараты» и «Рамаяны», — а верность перевода зависит в первую очередь от глубины и тонкости истолкования! — еще раз предоставим слово политическому и государственному деятелю Индии. «Трудно уловить смысл, а тем более дух древнего слова или древней фразы, — говорит Неру. — ...Даже тем из нас, кто изучал санскрит, нелегко проникнуть в дух этого древнего языка и снова жить в его мире, давным-давно канувшем в вечность... Но для иностранцев, какими бы образованными они ни были, эти трудности возрастают». Он откровенно сетует на то, что «к несчастью, ученые и специалисты редко бывают поэтами, а для истолкования языка нужен ученый-поэт», — и отмечает недоверие — именно в силу буквализма! — переводов, осуществленных этими учеными. Горечью проникнуты и его опасения по поводу будущих переводов санскритской классики (индийских и английских): «Все будет передано добросовестно и дословно, не будет лишь живого духа. То, что было столь прекрасно и музыкально, пронизано жизнью и радостью, преисполнено смелого воображения, станет дряхлым, плоским и затхлым; они (переводы. — В. П.) не сохранят ни молодости, ни красоты, а будут лишь отдавать пылью кабинета ученого и запахом светильного масла».

Тем самым с большой экспрессией выражены требования к будущим переводчикам санскритской литературы!

У нас, по счастью, понятия перевода научного и художественного в достаточной мере разграничены. Поэт, переводя с санскрита, с древнеегипетского и других языков, требующих специальной подготовки, обычно являющейся делом жизни ученого, пользуется дословным переводом. Однако, стремясь творчески воссоздать живую плоть и душу произведения средствами иного языка, сам поэт в процессе работы становится исследователем. В противном случае вместо «стихов, полных смысла, точности, гармонии» (как писал Пушкин о «Федре» Расина, критикуя перевод Лобанова), вместо гармонически прекрасного, в своей целесообразности, подлинника из хаоса буквального перевода возникнет мертворожденный стих рифмованного подстрочника.

Если считать, что основное сюжетное ядро «Махабхараты» складывалось в древней Индии в VI—V веках до нашей эры, можно представить себе, как сложно «перевести» эстетику этого «мира, давным-давно канувшего в вечность», на язык нашей эстетики!

Как сделать, чтобы нашему читателю этическая оценка характеров, мотивировка поступков, «логика» чувств и взаимоотношений и даже образная ткань произведения не казались чуждыми, натянутыми, лишенными правдоподобия? Вспомним хотя бы

Драупади, верную жену... пяти братьев-пандавов!

Как, без насилия над размером и синтаксисом, вместить в русский стих, рожденный строем русской речи, ее музыкой, многосложные, тяжеловесные для нашего слуха, диковинно звучащие имена?

А необъятная индийская мифология — колоссальный пантеон богов и связанное с ним богатство ассоциаций? Тем более что мифологические представления древних индийцев, щедро используемые в санскритской поэзии, зачастую требуют комментария в тексте. Народные обычаи, воззрения тоже в нем нуждаются. Выпадение ассоциативного звена или поиски его в примечаниях неизбежно нарушают цельность поэтического восприятия.

Перевести индийскую повесть «Наль и Дамаянти» гекзаметром было новаторством для Жуковского и его времени. В наши дни, переводя «Махабхарату», остановиться на гекзаметре было бы эпигономством. Разумеется, С. Липкин не пошел по этому пути.

Необходимо оговорить и то обстоятельство, что при переводах классической поэзии Востока почти всегда сталкиваешься с неким несоответствием между размером подлинника и эмоциональным звучанием произведения для русского читателя.

Санскритские шлоки, которыми написаны «Махабхарата» и основная часть «Рамаяны», приближаются к нашему восьмистопному ямбу с мужскими окончаниями. С. Липкин отверг этот размер, несколько суховатый и вялый, несродный русской поэзии. Смелость выбора, на первый взгляд казавшегося спорным, оправдала себя.

Повествовательная напевность, музыкальность древнеиндийского эпоса, его мудрость и простодушие, непринужденность интонаций, удивительная мягкость и человечность, пронесенная простыми людьми Индии сквозь тысячелетние испытания, — все это находит свое воплощение в сказаниях из «Махабхараты», мастерски переведенных Семеном Липкиным.

...Познала царевна печаль и кручину,
В шумящий поток опуская корзину.

...А эта корзина, жилище дитяти,
Сначала попала в реку Чарманвати,

Оттуда — в Ямуну, где блещет долина,
Оттуда — по Гангу пустилась корзина,

Где берег бежал то полого, то круто,
И к Чампе приблизилась, к племени Сута.

Чудесные серьги и панцирь отборный,
Из амриты созданные жизнетворной,

В живых сохраняли младенца
в корзине —
На глади спокойной и в бурной
стремнине...

Кстати сказать, принято считать санскритские шлоки белым стихом. Так ли это? Нередко в подлиннике, например «Рамаяны», явственно слышится рифма — порой

внутренняя, иногда концевая. Может быть, она существовала, но стерлась с течением времени? Так или иначе, у Липкина в его «Махабхарате» стих рифмованный. Дело здесь, конечно, не в избытке трудолюбия и не в наивном стремлении «украсить» подлинник: поэту-переводчику хотелось сохранить музыку индийского стиха, его изощренную звукопись, его энергию. Этой цели и послужила, в частности, рифма, а также превосходно использованные эпические единоначатия, параллелизмы, повторы.

Как добротна фактура стиха, какой нарастающей силой убеждения звучит жалоба жены пяти мужей, Драупади:

Жену храбрецов, перед кем супостаты
Дрожат, — он ударил ногою, проклятый!

Жену повелителей, правящих мудро, —
Ногою ударил меня Сутапутра!

Жену гордецов с тетивою тугою, —
Ударил меня Сутапутра ногою!

Жену благородных и чистых, как утро, —
Ударил ногою меня Сутапутра!

Жену ратоборцев, опасных вселенной,
Ударил ногой Сутапутра презренный!

Рифмой как бы запечатываются, замыкаются афористические речения, сгустки народной мудрости, которыми изобилует «Махабхарата»:

Живые нуждаются в славе с хвалою, —
Что делать со славою ставшим золою?

Или:

Закон для мужчин и для женщин —
свобода.
Неволи не терпит людская природа.

Многочисленные любовные сцены, предельно откровенные, обстоятельные, лишены обиняков и условностей, могли бы послужить для переводчика «Махабхараты» серьезным камнем преткновения.

В этой связи вспоминается признание Пушкина в письме к Вяземскому: «...Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали». Само собой разумеется, ни «грубость», ни «библейскую похабность» не следует понимать буквально! Отвергая пурризм, чопорность, жеманство, гений русской поэзии ратовал за первоизданную простоту, точность и свободную выразительность русского языка.

Нужно сказать, что поэт-переводчик и в этом сложном случае, проявив свойственную ему творческую смелость, нашел удачное решение. Отсутствие излишней стыдливости и жеманства привело к тому, что перевод звучит целомудренно.

Семен Липкин владеет материалом широко и свободно; читаешь — и словно дышишь воздухом древней Индии, начисто забывая о переводчике, силой таланта перевоплотившемся в сказителя.

Новый перевод четырех преданий из «Махабхараты», радостный, полнокровный, воссоздающий дух и смысл великого подлинника, приобщает нас к этой неисчерпаемой сокровищнице мудрости индийского народа.

БЕРА ПОТАПОВА

